

На правах рукописи

Хазова Маргарита Александровна

**ТЕМА БЕЗУМИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ XX ВЕКА
(1900 – 1970-е гг.)**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Орел – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»

Научный руководитель кандидат филологических наук, доцент
Драгунова Юлия Альбертовна

Официальные оппоненты: **Коковина Наталья Захаровна**,
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», кафедра литературы, профессор

Мерцалова Оксана Сергеевна,
кандидат филологических наук,
ФГБОУ ВО «Орловский государственный институт культуры», кафедра русского языка и литературы, доцент

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Защита состоится «13» апреля 2017 года в 12.00 на заседании диссертационного совета Д 212.183.02 на базе ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» по адресу: г. Орел, ул. Комсомольская, д.41, корп.3, ауд. 301А.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»: http://oreluniver.ru/public/file/defence/Hazova_Margarita_Aleksandrovna_12.12.2016.pdf

Автореферат разослан «___» _____ 2017 года

Ученый секретарь диссертационного совета

Бельская А.А.

Общая характеристика работы

В русской литературе XX века тема безумия занимает заметное место. Ее развитие в большей степени объясняется катастрофичностью XX столетия, желанием человека противостоять мировым катаклизмам, обесцениванием личности в эпоху тоталитаризма и стремлением сохранить свою индивидуальность. Возросший интерес к теме обуславливается также стремлением приблизиться к раскрытию тайны пограничного состояния человека.

Тема безумия существовала на протяжении всей истории русской литературы XII-XIX веков и реализовывалась в средневековой (христианской и карнавальной), романтической, просветительской и реалистической традициях.

В аспекте христианской традиции данная тема была связана, в частности, с мотивом юродства, а также бесовского наваждения и бесовской одержимости. В традиции карнавальной культуры она раскрывается посредством использования мотива маски, народно-праздничного смеха и гротескного преувеличения. Безумие здесь – «веселая пародия на официальный ум, на одностороннюю серьезность официальной “правды”»¹.

В романтической традиции тема безумия стала одной из ключевых, знаковых тем. Романтики пытались абстрагироваться от мира жестокой реальности и найти успокоение в потустороннем мире мечты и красоты. Безумие осознается проводником в недоступный, но невероятно желанный, ирреальный, мир.

В просветительской традиции тема безумия была непосредственно связана с конфликтом между закосневшим в пороках обществом и положительно прекрасным человеком, находящимся в гармонии с собой. Воспитание на лоне природы, чистая наивная душа, сохранившая связь с детством, идея о равенстве всех людей на земле, заветная мечта естественного человека о переустройстве мира, в котором нет насилия, жестокости и злобы, воспринимаются обществом как начальная стадия безумия.

В реалистической традиции писатели, опираясь на открытия зарождающейся в начале XIX века российской психиатрии, создают образы реальных безумцев, больных с точки зрения медицины. Писатели выступают как тонкие психологи, знатоки человеческих душ, выявляя социальные и нравственные причины, которые повлияли на раздвоение сознания их героев.

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой даются следующие значения лексемы «безумие»: «1. То же, что сумасшествие (устар.). 2. Безрассудство, полная утрата разумности в действиях, в поведении»². В определенные периоды развития русской литературы сталкиваются разные подходы к пониманию безумия, поэтому становится необходимым конкретизировать сущность данного понятия. Предлагаемое диссертационное исследование выстроено с учетом следующего толкования

¹ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – С.47.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: Азбуковник, 1999. – С.42.

термина: безумие – это отклонение поведения или мышления от принятых стандартов.

В литературе XX века тема безумия получила различное воплощение в зависимости от социально-исторических обстоятельств и эстетических установок авторов, от динамики и взаимопроникновения конкретно-исторических и индивидуальных художественных методов. Согласно Н.А. Гуляеву, метод – «воспроизведение художником действительности в соответствии с особенностями его художественного мышления и эстетического идеала, будучи исторически обусловленным, живет в самом творчестве, рождается и совершенствуется в процессе художественного постижения действительности»³.

Предметом исследования являются особенности развития темы безумия в русской прозе XX века (1900 – 1970-е гг.)

Актуальность заявленной темы обеспечивается повышенным вниманием к синтетическому художественному методу в литературе XX века; появлением ряда научных трудов, связанных с разработкой темы безумия в творчестве отдельных авторов.

На сегодняшний день существуют монографии, диссертации, в которых рассматривается феномен безумия в русской литературе XIX века: исследования Л.К. Антошук⁴, М.А. Зиминой⁵, О.А. Иоскевич⁶ и др. Что же касается темы безумия в литературе XX века, то о ней можно судить лишь по некоторым фрагментарным сведениям, представленным в статьях, монографиях, учебниках по русской литературе или диссертациях, посвященных отдельным авторам (Ф. Сологубу, Л. Андрееву, И. Бунину, М. Булгакову и другим). Целостного же описания художественного воплощения феномена безумия в творчестве писателей XX века на данный момент не существует. Этим обуславливается **научная новизна диссертационной работы**.

Объект исследования – проза русских писателей XX века 1900-х–1970-х годов.

Отметим, что в 40-х годах XX века тема безумия затрагивалась в литературе, посвященной Великой Отечественной войне («Непокоренные» Б. Горбатова, «Это мы, Господи!» К. Воробьева» и др.), но никогда не выходила на первый план, в связи с чем проза этого периода не рассматривается в диссертации.

Материалом исследования послужили наиболее репрезентативные в плане исследуемой темы художественные произведения: «Мелкий бес»

³ Гуляев Н.А. Теория литературы: Учебное пособие для филол. спец. пед. ин-тов. – М.: Высшая школа, 1985. – С.174.

⁴ Антошук Л.К. Концепция и поэтика безумия в русской литературе и культуре 20-30-х гг. XIX века. Автореферат дисс. ... к.ф.н. – Томск, 1996. – 18с.

⁵ Зиминая М.А. Дискурс безумия в исторической динамике русской литературы от романтизма к реализму. Автореферат дисс. ... к.ф.н. – Барнаул, 2007. – 21с.

⁶ Иоскевич О.А. На пути к «безумному» нарративу (безумие в русской прозе первой половины 19 века). – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2009. – 165с.

Ф. Сологуба, «Мысль», «Призраки», «Красный смех» Л. Андреева, «Над городом», «Птицы небесные», «Деревня», «Суходол», «Всходы новые», «Иоанн Рыдалец», «Аглая», «Исход», «Слава», «Божье дерево», «Дурочка», «Полуденный жар» И. Бунина, «Люди Божии» Б. Зайцева, «Лето Господне» И. Шмелева, «Алые паруса» и «Бегущая по волнам» А. Грина, «Роковые яйца», «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Палата №7» В. Тарсиса, «Семь дней творения» В. Максимова. В качестве вспомогательного материала привлекаются воспоминания современников писателей.

Цель научной работы: выявить особенности функционирования темы безумия в русской прозе XX века (1900 – 1970-е гг.).

В соответствии с целью исследования формулируются следующие **задачи:**

1) выделить в литературе XX века основные тенденции, характеризующие функциональную значимость темы безумия;

2) рассмотреть тему безумия в аспекте своеобразия художественных методов авторов, обращая внимание на формы реализации этой темы;

3) осмыслить специфику возникновения и развития темы безумия в русской литературе XX века:

а) выявить особенности выражения феномена безумия в русской литературе Серебряного века (Ф. Сологуб, Л. Андреев, И. Бунин, Б. Зайцев, И. Шмелев);

б) рассмотреть своеобразие функционирования темы безумия в творчестве А. Грина и М. Булгакова во всей ее многоаспектности;

в) охарактеризовать особенности подхода к изображению темы безумия в русской литературе 50-70-х годов XX века на примере творчества В. Тарсиса и В. Максимова.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составляют философские работы Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, работы по психоанализу З. Фрейда, К. Юнга, а также теоретические разработки ученых по проблеме развития отечественной психиатрии (Е. Гайдамакина, А. Подрабинек, Т. Сорокина, И. Сироткина, И. Щиголев), по проблемам теории литературы (М. Бахтин, Н. Гуляев, Л. Тимофеев, О. Федотов), исследования по проблеме художественного метода (Н. Байбатырова, А. Баклыков, В. Батшев, А. Дзиов, А. Ефремова, А. Злочевская, Д. Кертис, Н. Кобзев, В. Ковский, А. Краснов-Левитин, Н. Лейдерман, Г. Лесскис, Ю. Мальцев, Е. Михеичева, Е. Пономарев, И. Попова, Н. Савушкина, А. Сенкевич, В. Хрулёв, Е. Яблоков и др.); труды по истории русской эмиграции и диссидентского движения (А. Вдовин, Л. Королева, Б. Ланин, И. Мильштейн).

Методы исследования. Цели и задачи предопределили использование в диссертации элементов биографического, культурно-исторического, сравнительно-исторического, системно-структурного методов.

На защиту выносятся следующие положения диссертации:

1. Тема безумия в русской литературе на протяжении 1900-х – 1970-х гг. претерпевает эволюцию. В своем развитии она проходит три этапа: 1900-е – 1910-е гг., 1920-е – 1930-е гг., 1950-е – 1970-е гг.

2. Реализация темы безумия обуславливается социально-политической обстановкой в стране и эстетическими установками авторов. Ее историческая динамика связана со спецификой индивидуальных художественных методов.

3. В русской литературе Серебряного века тема безумия порождается несколькими факторами: социально-историческими (войны и революции способствуют нездоровой атмосфере в стране и увеличению количества душевнобольных людей), естественнонаучными (открытия российских психиатров, а также зарубежных ученых, в частности, З. Фрейда и К. Юнга) и историко-культурными (фундаментальное влияние учений А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, взаимодействие реализма и модернизма).

4. В связи с переходным этапом исследуемого периода литературы, характеризующегося синкретизмом, в дискурсе безумия начала XX века встречаются различные интерпретации. Тема безумия находит свое воплощение в символистской (творчество Ф.К. Сологуба) и неореалистической прозе (творчество Л.Н. Андреева, И.А. Бунина, Б.К. Зайцева и И.С. Шмелева). Сологуба и Андреева объединяет трагическое мироощущение, выразившееся в отношении к реальному и ирреальному бытию, ввергнутому в хаос и безумие. В творчестве Бунина, Зайцева и Шмелева тема раскрывается через феномен юродства. Образ юродивого приобретает положительную и отрицательную коннотации, реализуясь в просветительской, реалистической или средневековой традиции в зависимости от взгляда писателей на русскую действительность, от религиозных исканий и этапов духовного пути.

5. Дифференцированный подход Грина и Булгакова к рассмотрению темы безумия во многом объясняется художественным методом, актуализировавшим в творческом процессе романтические и реалистические установки.

6. Творчество Грина возрождает романтический дискурс безумия, при котором идет противопоставление героя-романтика и прагматика. В то же время писатель раскрывает тему и через обращение к внутреннему миру человека, к психологизму.

7. Тема безумия в творчестве Булгакова также раскрывается во всей своей многоаспектности (любовь как безумие, безумие творческой личности, безумие как наказание и покаяние, безумие как дьявольское наваждение, безумие как «юродство») в русле одновременно романтической, реалистической и средневековой традиции. Автору присуще условно-метафорическое изображение безумия.

8. Феномен карательной психиатрии послужил обращению к теме безумия в русской литературе второй половины XX века. Использование медицины с целью воздействия на неудобных людей в период с 1950-е по 1970-е годы являлось одной из главных мер репрессивного воздействия, предпринятой советскими властями.

9. В. Тарсис и В. Максимов придерживаются реалистической концепции безумия. Писатели-диссиденты изображают сумасшедший дом как символ советской действительности. Тарсис обращается к классическим традициям (А. Чехов), подчеркивая противостояние личности и государства, необходимость сохранения собственного мнения. При этом автор сближает повести «Палата №6» и «Палата №7» на проблемно-тематическом, сюжетно-композиционном и мотивно-образном уровнях. В произведении Тарсиса теория непротivления злу насилieм терпит поражение, в произведении же Максимова верa в Бога помогает нравственному воскресению героев.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что ее результаты позволяют проследить развитие феномена безумия в русской литературе XX века, рассмотреть эстетику безумия в аспекте исторической динамики художественных методов XX века.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования наблюдений и результатов работы при чтении общих и специальных вузовских курсов по истории русской литературы XX века, при изучении специфики литературного процесса XX века, а также при преподавании литературы русского Зарубежья.

Апробация работы

Основные положения и результаты диссертационного исследования были представлены в докладах на Международных – «Творчество Б.К. Зайцева и мировая культура» (Орел, 2011), «Творчество Леонида Андреева: современный взгляд» (Орел, 2011), Всероссийских – IX Славянские Чтения (Орел, 2011), X Славянские Чтения (Орел, 2012) и вузовских (Орел, 2012)) научных конференциях. Диссертация обсуждалась на заседаниях аспирантских объединений и на кафедре русской литературы XX–XXI веков и истории зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» (2011, 2012, 2013, 2015).

По теме диссертации опубликовано 11 статей.

Структура и объем диссертации определяются логико-концептуальными соображениями. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка. Библиография включает 277 наименований. Основной объем работы составляет 297 страниц.

Основное содержание работы

Во **Введении** обоснована актуальность темы, определены цели и задачи работы, научная новизна, представлена методология исследования, раскрыты теоретическая и практическая значимость, изложены положения, выносимые на защиту.

Первая глава диссертации «Тема безумия в русской прозе начала XX века» содержит 4 параграфа.

В первом параграфе **«Предпосылки развития темы безумия в русской литературе Серебряного века»** обозначены основные факторы, повлиявшие на формирование и развитие темы.

Особую роль в ее развитии сыграли социально-исторические реалии. Переход страны от феодализма к капитализму и политика государства оказали пагубное влияние на здоровье нации и привели к дегенерации общества. Многие военнослужащие и мирные граждане, в непродолжительный срок познавшие бедствия, лишения и ужасы военных действий трех революций, русско-японской и первой мировой войны, пополнили ряды больных с психическими расстройствами. Русские писатели, стремившиеся отразить все процессы, происходившие в необыкновенно трудное для страны время, не могли не обратиться к проблеме надломленной личности, стоящей на грани.

Середина XIX века характеризуется мощным прорывом отечественной психиатрии, охватившим не только практическую, но и теоретическую сферу деятельности ученых. Накопленные психиатрами знания получили распространение не только в научных, но и в светских кругах. Писатели середины XIX – начала XX века активно разрабатывали тему безумия в научном ключе, стремясь по-новому раскрыть характер психически больного человека. Труды зарубежных ученых (З. Фрейда, К. Юнга) также получили широкое распространение в начале XX века. Учение о психоанализе, взгляды на бессознательное психическое, необычный подход к трактовке сновидений (как галлюцинаторное переживание исполнения желания или как окно в бессознательное) – все вызывало неподдельный интерес со стороны русских писателей. Опубликованные случаи из практики послужили ценным материалом для многогранного воссоздания образа психопатологического героя. Учение о бессознательном предлагало приблизиться к раскрытию тайн человеческой психики, выявляя не только ее светлые, но и темные, хаотичные и безумные стороны. Оно предполагало наличие множества личностей в каждом человеке и сделало популярным в русской литературе один из аспектов темы безумия – бесовское наваждение. Представление о сновидении как о пограничном состоянии психики популяризировало такие мотивы в русской литературе, как мотив галлюцинации, бреда, видения и безумия.

Для творчества писателей Серебряного века огромное значение имели и философские учения. Наибольшую популярность приобретают такие философы, как А. Шопенгауэр и Ф. Ницше, предложившие интеллигенции новые культурные, религиозные идеалы, что не могло не отразиться на развитии русской литературы и, в частности, темы безумия. Учение Шопенгауэра о неразумной воле оказало колоссальное влияние на творчество писателей не только середины XIX, но и начала XX века. В работе философа Воля, владеющая реальным миром, оказывается иррациональной субстанцией, действующей бесцельно и беспричинно, а мир представляется некой неуправляемой системой, ввергнутой в хаос, беспорядок и безумие. Более того, сам человек как порождение Воли вбирает в себя безрассудство, бездну, тьму и сумасшествие. Шопенгауэр также раскрывает свое отношение к гениальной личности, сближаясь в этом вопросе с видением романтиков. Для философа гений – это человек, отличающийся от простых людей особой чертой, заключающейся в познании мира не рациональным, а чувственным путем.

Умение растворяться в своих наблюдениях, находиться в экстазе и пользоваться озарениями сознания позволяет гениальному безумцу овладеть знанием ирреального мира. Однако состояние, в котором пребывает гений, граничит с безумием. Символисты вслед за романтиками и Шопенгауэром стали воспринимать гения как безумца, находящегося на границе двух миров (реального и ирреального) и владеющего их тайнами.

Размышления Ницше о мире и человеке на долгое время завладели умами молодого поколения начала XX века. Небезучастными были и русские писатели, обратившие особое внимание на книги философа «Так говорил Заратустра» и «Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм». Учение о сверхчеловеке, освобожденном от религиозных, нравственных и этических ценностей, вызвало необычайную полемику в литературных кругах. В своих произведениях писатели одновременно возвеличивали сильную личность и предупреждали об опасности, таящейся в ничем не ограниченной свободе, разрушающей и деформирующей психику человека вплоть до сумасшествия. Книга Ницше «Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм» так же, как и книга Шопенгауэра, способствовала распространению представления о трагичной и безумной основе трансцендентного мира. Истинная сущность Вселенной, с точки зрения Ницше, содержится в дионисовском, а не аполлоновском начале, поэтому нужно освободиться от иллюзии и принять несовершенства этого мира. Сотворенные божеством миры носят на себе след его мучений, так как через их создание Дионис освобождается от контрастов и противоречий. Таким образом, хаос, бедствие и безумие охватывают мир уже в самом начале его появления. В символистской прозе отразились взгляды Ницше на Диониса как на бога умирания и трагедии и как на бога возрождения и утешения. Получив частичку божества, каждый человек может проникнуть в самую сущность всех вещей и получить высшее знание, раскрыть тайну вечности, находясь в состоянии экстаза или безумства. Так же, как и Шопенгауэр, Ницше возвеличивал безумие гениальной личности, что отразилось в творчестве многих писателей Серебряного века.

Нельзя не отметить, что интерес к теме безумия особенно возрос в рассматриваемый период не только в связи с развитием философской мысли, но и ввиду своеобразия литературного процесса конца XIX – начала XX века. Художественный синтез становится одним из определяющих тенденций искусства Серебряного века. Русская литература порубежной эпохи вбирает в себя разнородные, но взаимосвязанные сферы культурной жизни (литература, музыка, живопись, религия, оккультизм, философия, политика и т.д.). По сути, Серебряный век – это сплав традиционного и новаторского.

Серебряный век русской литературы характеризуется контрапунктностью, диалогичностью, культур. В русской литературе XIX века тема безумия пользовалась повышенным вниманием со стороны таких авторов, как А. Погорельский, Н. Полевой, А. Пушкин, В. Одоевский, Н. Гоголь, М. Лермонтов, Н. Некрасов, Ф. Достоевский, В. Гаршин, А. Чехов и др. Писатели XX века в попытке создать новое культурное пространство

обращаются к мастерам и выдающимся творцам XIX века, полемизируя или соглашаясь с их высказываниями. Фактически они приподнимают на новый уровень устоявшиеся и ставшие традиционными темы, образы и мотивы Золотого века литературы. Не исключением стала и тема безумия, получившая новое звучание в произведениях писателей порубежной эпохи.

Возникновение неореализма, характеризующегося соединением нескольких тенденций, приводит к осмыслению темы безумия с позиции новейшего времени и опыта прошлых столетий.

В символизме тема безумия становится так же, как и в романтизме, одной из самых главных, что заключено в желании символистов проникнуть через чувственные переживания героя в ирреальный, мистический мир, а порой и создать третью реальность на основе реальной и фантастической действительности. Отсюда обращение к гениальному герою-творцу, к личности на грани и к пограничным состояниям человека: сон, мечта, бред, грезы, сумасшествие и др. Неореалисты, в отличие от реалистов, познающих исключительно реально существующий мир, стремятся проникнуть в сферы запредельной реальности и ответить на метафизические вопросы. Их герои ищут свое место в «этом» и «ином» мирах, пытаются ответить на вопросы о жизни и смерти, часто выходя за рамки рациональной действительности. Так же, как романтиков, их волнуют метафизический, потусторонний мир и герой, владеющий не только рациональным, но и чувственным познанием. Тотальное внимание писателей направлено не на социально-политические проблемы общества, а на самого человека: обращение к внутреннему миру, к бессознательному и коллективному бессознательному, раскрывающему светлые и темные стороны человеческой психики и открывающему грани ирреальной действительности.

Импрессионистический и экспрессионистический стиль способствовали возрождению темы безумия, так как служили для передачи психологического состояния. Посредством импрессионистических тенденций писатели создавали тонко чувствующую личность, воспринимающую мир через душевные переживания, а не через рассудочные категории. Экспрессионистические приемы помогали выразить экспрессию чувств и показать эмоциональное состояние человека, исследующего многоаспектную действительность.

Во втором параграфе «**Безумие в восприятии символистов (Ф. Сологуб «Мелкий бес»)**» определяются отдельные тенденции, связанные с реализацией темы безумия в творчестве Ф. Сологуба.

Феномен безумия в романе «Мелкий бес» не раз становился предметом исследования, в частности в работах В. Руднева⁷ и Л.Д. Бугаевой⁸, где в центре внимания оказываются особенности шизофренического сознания героя и специфика семантической модели идеи безумия.

⁷ Руднев В. Философия языка и семиотика безумия: Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2007. – 527с.

⁸ Бугаева Л.Д. Идея безумия и ее языковое воплощение в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес». Автореферат дисс. ... к.ф.н. – Санкт-Петербург, 1995. – 18с.

Символистское восприятие мира предполагает обращение к двоимирию и к личности на грани. Трагическое мироощущение авторов, чувствующих несовершенство этого мира и стремящихся прикоснуться к трансцендентному, рождает желание проникнуть в сознание безумного героя, находящегося на границе двух миров. Отсюда углубление в сферу бессознательного. Безумие, лежащее в основе мироздания, повергает мир в хаос, а людей превращает в духовных мертвецов.

Ф. Сологуб рассматривает данную тему в конкретно-историческом, мифологическом и метафизическом аспектах. В своем сатирическом произведении писатель ставит насущные социально-политические проблемы и обращает внимание на проблему разложения личности, утратившей нравственные ценности. Герои, выбранные Передоновым для посещения (Скучаев, Кириллов, Авиновицкий и др.), не могут восприниматься нравственно здоровыми. Практически каждый герой романа Сологуба «Мелкий бес» стремится играть свою роль в обществе, примеряя различные маски. Причем стремление играть разные роли может быть объяснено как политическим режимом, так и личностными целями. Игровое начало способствует реализации темы безумия. Главный герой романа осознается и игроком и игрушкой. Маска помогает ему достигать намеченных целей, но в то же время разрушает его как личность, приводя к безумию.

В творчестве символистов мир мог осознаваться трагичным по нескольким причинам. Во-первых, несправедливым его делает сам человек. Во-вторых, мир несправедлив уже в своей основе, так как является порождением дьявольского, бесовского начала. Безумие в творчестве символистов раскрывается в мифологическом аспекте. По мысли Сологуба, человек является носителем черт и сущности демонического мира, поэтому сумасшествие героев романа возникает не только на почве социально неблагоприятной обстановки в стране. Люди привносят в мир безумие, хаос и разрушение, что объясняется их одержимостью бесами и приверженностью дьяволу. Человек, наделенный дьявольским началом еще при рождении, сам привносит в мир хаос, но в то же время может быть и проводником для безумия, посылаемого высшими ирреальными силами. В характере каждого героя романа прослеживаются общие черты, позволяющие их отнести к дохристианским, мифологическим, персонажам: русалкам, ведьмам, бесам и т.д. Мир в произведении Сологуба подчинен дьявольскому началу, разрушающему все прекрасное и чистое. Интересно, что в сущности Людмилы и Пыльникова – героев, чье появление в романе способно увести от дьявольского к чувственному и прекрасному началу, – также прослеживаются бесовские черты. Все это лишает мир какой-либо надежды, так как без идеального героя реальность, охваченная безумием, ввергается в бездну, хаос и разрушения.

На протяжении романа метафизический и конкретно-исторический пласт романа сосуществуют как единое целое, хотя образ Недотыкомки – это символ, раскрывающий безумие, скрытое в тайниках души главного героя (он беден

духом и потому совершает преступление), а также безумие всего мира, против хаотичной, дьявольской природы которого невозможно бороться.

В третьем параграфе «Тема безумия в неореалистическом творчестве» определяются особенности функционирования темы безумия в творческом наследии Л.Н. Андреева, И.А. Бунина и Б.К. Зайцева.

Из художественного наследия авторов Серебряного века творчество Л. Андреева наиболее полно исследовано в литературоведении в рамках темы безумия. Ученые (Н. Арсентьева, Л. Афонин, Н. Генералова, Л. Иезуитова, В. Келдыш, Л. Колобаева, И. Назаров, Р. Красильников, Е. Михеичева, И. Московкина, А. Татарин, Л. Шишкина и др.) достаточно разносторонне освещают эту тему.

Андреев творил в переломную эпоху, поэтому обращение к теме безумия во многом было связано с желанием передать трагическое мироощущение, со стремлением рассказать о мире, в основе которого скрыты хаос и безумие, с необходимостью изобразить психопатологическую личность. При реализации этой темы автор обращается к различным художественным приемам, характерным для реализма, символизма и экспрессионизма.

Тему безумия Андреев раскрывает в разных аспектах: следует выделить идейное безумие, безумие как экзистенциальный бунт и сумасшествие войны.

Исследуя своеобразие идейного безумия, писатель стремится передать состояние героя, подменившего рассудочными категориями все сферы жизни (рассказ «Мысль»). Для понимания интерпретации Андреевым темы безумия важно понимание специфики игровой поэтики автора. Феномен игры в творчестве Андреева (так же, как и в творчестве Сологуба) помогает раскрыть причины безумия героя. Писатель использует в произведении мотив маски. В момент игры Керженцев предстает безумцем, и, только переставая играть, ощущает себя нормальным. Тотальный контроль разума над жизнью, смена разных масок и чуждых социальных ролей ведет к уничтожению истинного «Я», а значит, и к сумасшествию. Автор заостряет внимание на проблеме неограниченной свободы. Утратив веру в существование высших сил, Керженцев начинает чувствовать себя Богом, которому все подвластно и дозволено. Сумасшествие здесь является наказанием человеку, утратившему нравственные ценности.

Вслед за символистами Андреев ставит в своем творчестве философские вопросы, воспринимая мироздание через осмысление феномена безумия. Безумным предстает не только реальный, но и ирреальный мир, скрывающий сакральные знания. Человечество бессильно перед хаосом Вселенной. С одной стороны, ирреальный мир не раскрывает до конца всех своих секретов, а с другой, – интенсивно проникает во все сферы жизни. Экзистенциальный бунт у Андреева приводит человека к сумасшествию. В рассказе «Призраки» герои каждую минуту ощущают трагичность этого мира: человек смертен по своей природе, но лишь умом он может постичь эту мысль, духовно же не желает мириться с конечностью существования. Это противоречие заставляет героев иначе воспринимать окружающую действительность. Психиатрическая

больница становится символом невозможности разрешения человеком проклятых вопросов и в то же время символом неприятия духовной и физической смерти.

Причина безумия героев в творчестве Андреева может заключаться как в несовершенстве бытийных законов, так и в несовершенстве человеческого общества. Войны, социальное неравенство, смертные казни – все это может привести человека к психическому заболеванию. В рассказе «Красный смех» писателя волнует один из самых важных гуманистических вопросов: может ли человек на войне остаться мыслящим, разумным существом, не потеряв себя. С помощью экспрессионистических приемов Андреев показывает не только жестокость войны, но и ее дьявольскую сущность. Военная жизнь частично соотносится с нормальным реальным миром, по сути же привносит в него сумбур и хаос дьявольского мира. Военный, потерявший на войне душу, в глазах мирных людей выглядит безумцем. Символический образ Красного смеха дан в рассказе как предупреждение об Апокалипсисе, грозящем человечеству, осмелившемуся нарушить веками складывающиеся законы человеческого бытия.

При изображении темы безумия писатель использует определенные стилистические приемы и выразительные средства: прием потока сознания, прием речевой экспрессии, прием повторов и гиперболизации, прием овеществления и зооморфизма, прием цветописы. Кроме того, автор применяет и художественные экспрессионистские приемы, помогающие передать хаос и безумие мира. Страшный бесплотный дух, безглавый скелет на коне, бесформенная тень, красный смех – каждый из образов символизирует трагедию человечества, приближающегося к Апокалипсису.

И.А. Бунин и Б.К. Зайцев также разрабатывают тему безумия в начале XX века, но уже в другом направлении. Одним из самых важных образов в русской литературе XII-XIX веков в аспекте темы безумия был образ юродивого. В древнерусской литературе юродивый – это святой человек, принявший ради Христа «смирненную личину юродства»⁹. В неореалистическом творчестве Бунина и Зайцева мотив юродства приобретает новое звучание. Лексема «юродивый» в литературе Серебряного века не всегда совпадает с исконным понятием, возникшим в древнерусской литературе. В порубежную эпоху данное понятие могло лишь до некоторой степени отражать исходное значение. Авторам важно было показать свое видение данной темы, поэтому они переосмысливали феномен юродства, лишь частично сохраняя черты и признаки, характеризующие «божьего человека».

В буниноведении феномен юродства становится объектом исследования О.В. Лазаревой, Е.А. Михеичевой, И.В. Мотеюнайте и др.

Понимание образа юродивого в произведениях Бунина связано с двумя важными вопросами, касающимися жизни и творчества писателя. Во-первых, интерпретация образа юродивого в литературе всегда была связана с религиозными взглядами писателей. На протяжении всей своей жизни Бунин

⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. 4. – М.: Рус. яз., 1980. – С. 669.

находился в духовных поисках и тяготение к православию часто соединяется в его творчестве с каноническими началами других религий. Во-вторых, нельзя не учитывать взгляды писателя на русскую деревню, переживающую упадок. Признавая сильные и светлые стороны русского народа, Бунин не склонен идеализировать русского мужика и его уклад жизни. В отличие от трепетного отношения к юродивому в древнерусской литературе, в произведениях писателя наблюдаются скептицизм и недоверие. Резко негативную окраску приобретают так называемые лжеюродивые, не имеющие отношения к святому подвигу, но выписанные автором по всем канонам древнерусской литературы. Бунин критикует легкое верие русского народа, не умеющего отличать истину от лжи, святость от греха, добро от зла. Заметим, что негативное отношение автора прослеживается не только к мошенникам, притворяющимся святыми людьми, но и к умственно отсталым или странным людям, имеющим психическое отклонение, но в народе снискавшим славу юродивых. Эти люди из-за странных и порой диких поступков были отнесены к юродивым незаслуженно, так как в их жизни не было духовного подвига. В некоторых произведениях Бунина юродивые (Васька («Над городом»), Глаша («Полуденный жар»), Иоанн Рыдалец («Иоанн Рыдалец»)), казалось бы, отвечают внутренне (духовно) и внешне всем канонам, по которым строился образ юродивого в древнерусской литературе, но не являются положительными героями для самого автора. Каждый из юродивых предпочитает верить не в настоящую, «живую», жизнь с ее мирскими радостями, а в карающего Бога мертвых, что идет вразрез со взглядами писателя. Особое место в творчестве Бунина занимает рассказ «Птицы небесные», так как только в нем можно найти положительное отношение к юродивому за его веру в «живую жизнь», призывающую наслаждаться всеми моментами счастья и радости. Таким образом, Бунин видит отличное от христианской средневековой традиции значение подвига юродивого.

Феномен юродства в творчестве Б.К. Зайцева рассматривается литературоведами исключительно в свете религиозных исканий писателя (Ю.А. Драгунова, О.Г. Князева и др.).

Мотив юродства занимает важное место в творчестве автора. Так же, как и Бунин, Зайцев в изображении юродивых не идет вслед за христианской традицией. Однако в раннем творчестве феномен юродства не оценивается им как негативное явление (что отличает его от Бунина). В цикле «Люди Божии» Зайцев рассматривает подвиг юродивого с просветительских позиций, показывая чистую, наивную личность в порочном обществе. Юродивые в его рассказах – это обычные люди, имеющие психические и умственные отклонения, но выделяющиеся добрым сердцем, чистой душой и умением радоваться малым радостям жизни. Безумие этих людей, их наивность кажутся странными в восприятии обычных людей и действительно такими являются в реальной жизни (в христианской традиции безумие лишь маска, призванная помочь юродивому совершить свой подвиг). Не следуя традиционным канонам, Зайцев все же подчеркивает святость этих безумцев. На фоне обычных людей,

стремящихся к достижению материальных благ и забывающих о духовном, юродивые (маленький мальчик из рассказа «Домашний лар», Сережа из одноименного рассказа и Кимка из рассказа «Республиканец Кимка») Зайцева осознаются положительными героями. Вместо земного разума «люди божии» отмечены духовным знанием за свою способность искренне любить и нести свет в суетный мир людей.

Подходы авторов к изображению юродивых говорят о различных мировоззренческих позициях. Через тему безумия Бунин и Зайцев выражают свое отношение к вере, к русскому народу. Бунин в изображении юродивых переосмысливает христианскую традицию, в то время как Зайцев в большей степени придерживается просветительской концепции.

В четвертом параграфе «**Тема Юродства в повести И.С. Шмелева «Лето Господне»**» исследуется мотив юродства в творчестве писателя-эмигранта, активно развивающего традиции Серебряного века.

Ученые обращают внимание на функционирование древнерусской литературной традиции в творчестве И.С. Шмелева (например, Е.С. Ефимова).

На примере повести «Лето Господне» можно проследить за еще одним принципиально новым вариантом воплощения феномена юродства в русской литературе XX века. Так же, как Бунин и Зайцев, писатель показывает в произведениях сложившееся представление о юродивых как о безумных, исходя из своих религиозных воззрений на духовный подвиг. Интересно, что если у Бунина звучит мысль о торжестве этой, земной, жизни, то в повести Шмелева изобилует и прекрасен не только реальный, но и потусторонний божественный мир. Писатель, пришедший к вере в эмигрантский период, изображает юродивых в традициях христианской литературы. Его юродивые (монах Леня, Пашенька-преблаженная, Палагея Ивановна и Клавнющка) – это люди, наделенные высшим разумом, пророки, вещающие о божественной мудрости. Поведение же юродивого, одаренного сакральным знанием, лишь обычным людям кажется ненормальным, в действительности же оно призвано напоминать об истинном предназначении человека.

Вторая глава «Интерпретация темы безумия в русской прозе 20-30-х годов XX века» содержит 4 параграфа.

В первом параграфе «**Социально-исторические предпосылки развития темы безумия в литературе 20-30-х годов XX века**» раскрываются причины, объясняющие достаточно редкое обращение писателей 20-30-х годов XX века к теме безумия.

В начале 20-х годов XX века советская власть столкнулась с множеством проблем, в том числе с необходимостью восстанавливать психическое здоровье нации, разрушенное за годы бесчисленных революций и войн. Вплоть до 30-х годов XX века наблюдается развитие психиатрии. Случаи сумасшествия, возникающие на фоне социально-политической обстановки в стране, не рассматриваются в это время как резко негативное явление, порочащее советскую власть. В 30-е годы ситуация кардинально изменилась. Был провозглашен негласный тезис о построении нового общества, в котором не

может быть сумасшедших людей. По сравнению с литературой Серебряного века в период 20-30-х годов XX века уменьшается частотность обращения к теме безумия, что связано с изменением социальной обстановки в стране и приходом советской власти, жестко регламентирующей выбор тематики будущих произведений. Лишь некоторые авторы обращались в этот период к подобной тематике, в частности, те из них, кто осознавал себя продолжателем традиций Серебряного века. Среди писателей к этой теме обратились А. Грин («Алые паруса», «Бегущая по волнам и другие») и М. Булгаков («Дьяволиада», «Роковые яйца», «Мастер и Маргарита»).

Во втором параграфе **«Художественный метод А.С. Грина и М.А. Булгакова»** выделяются общие принципы изображения действительности авторами.

Через выявление тенденций романтизма (субъективность, двоемирие, конфликт обывателей и романтиков, многообразное использование фантастики, фундаментальное внедрение в художественное миростроение зеркального изображения и онирического начала – снов, видений, галлюцинаций – и др.) и реализма (конкретно-исторический подход, реальный быт, важность детали, психологизм и др.) в творчестве писателей, мы приходим к выводу о синтезе художественного метода, который мы условно будем называть «странным романтизмом». Условность в определении понятия художественного метода объясняется взаимодействием романтических и реалистических тенденций.

В третьем параграфе **«Безумная мечта и варианты ее воплощения в произведениях А.С. Грина»** выявляются характерные особенности функционирования темы в творчестве писателя.

На сегодняшний день существует немало работ, посвященных произведениям А. Грина (Т. Загвоздкина, Е. Зонова, Н. Кобзев, В. Ковский, Е. Козлова, К. Лицарева, В. Харчев, В. Хрулев и др.). В каждой из них затрагивается тема безумия, однако целостной работы по данной тематике не существует.

Для А.С. Грина как для продолжателя традиций Серебряного века характерно внимание к синтетическому методу, соединяющему романтические и реалистические тенденции. Писатели 20-х-30-х гг. XX века наравне с писателями Серебряного века остро осознают несовершенства реального мира. Советская действительность подводит авторов к изображению хаоса окружающей жизни. В творчестве Грина в меньшей степени (по сравнению с творчеством других писателей) чувствуются реалии советской действительности, однако автор также сосредотачивается на изображении реальности, пронизанной прагматичностью и безумием. Социальная действительность, в которой творил Грин, не сочеталась с идеализированной мечтой о мире грез и фантазии. Это выразилось в обращении писателя к романтическому герою, остро чувствующему несовершенство реального мира. Тема безумия в произведениях Грина «Алые паруса» и «Бегущая по волнам» трактуется с учетом творческого метода, характеризующегося взаимодействием романтической и реалистической традиции. Герои произведений четко

противопоставлены друг другу: с одной стороны, – романтики (Лонгрен, Ассоль, Грэй, доктор Филатр, Гарвей, Фрези Грант, Кук, Дэзи и другие), верящие в «несбывшееся», вечную абсолютную любовь и чувственное познание, открывающее мир красоты и гармонии, а с другой, – обыватели (матросы, жители деревни, капитан Гез, Бутлер, Дэлия Стерс и другие), признающие исключительно рациональный взгляд на мир. Герои, не принимая жизненные ценности противоположной стороны, осознают друг друга сумасшедшими. Интересно, что в романе «Бегущая по волнам» автор не противопоставляет два мира, так как сфера фантастического и реального предстает единым целым. По мнению В.И. Хрулева, «своеобразие Грина заключается в том, что поэтический отлет от действительности, аллегоричность и символика его образов не содержит и намека на мистическое или метафизическое восприятие действительности»¹⁰. Изображая болезнь Гарвея как психическое заболевание, вызванное поиском мечты и несовпадением несуществующего и реального миров, автор предупреждает об опасности, таящейся в полном уходе от реальной действительности. К Несбывшемуся, по мнению романтиков, можно прикоснуться и в этом мире. В связи с этим, романтический герой Грина не становится безумцем из-за несовершенства реальности, не отвечающей мечте. Фантастическим персонажем в романе является только загадочная Фрези Грант, но ее предназначение в романе не связано с рождением ирреального мира.

В четвертом параграфе «**Трансформация темы безумия в творчестве М.А. Булгакова**» рассматривается своеобразие функционирования темы безумия в творчестве М.А. Булгакова во всей ее многоаспектности.

К изучению произведений Булгакова в рамках названной темы обращались крупнейшие специалисты (М. Амосин, Г. Лескис, Б. Соколов, Е. Яблоков и др.).

Так же, как и Грин, М.А. Булгаков продолжает традиции Серебряного века, что выразилось в синтетическом методе писателя. Уже в ранних произведениях Булгакова тема безумия выходит на первый план и реализуется в средневеково-христианской, романтической и реалистической традиции. Если Грина неприятие социальной действительности привело к условно-метафорическому воссозданию действительности, то Булгакова подтолкнуло к изображению реальности, над которой властвует дьявол, к восприятию мира как хаоса. Реальная действительность у Булгакова – это симбиоз света и тени, божественного и дьявольского. Отсюда обращение к фантастике при изображении темы безумия. Как писатель, продолжающий традиции Серебряного века, Булгаков интересуется личностью, находящейся на грани.

В повести «Роковые яйца» писатель обращается к раскрытию сущности гениальной личности. Вслед за романтиками Булгаков изображает героя как избранного гения, наделенного сакральным знанием. Автор противопоставляет два типа героев: романтиков и обывателей. Обычным людям гениальные

¹⁰ Хрулёв В.И. Философско-эстетические и художественные принципы романтизма А.С. Грина// Филологические науки. – 1971. – № 1. – С. 8.

высказывания ученого кажутся странными, а его поведение, в частности, в момент экстаза перед научным открытием представляется безумным. В то же время писатель задумывается и о природе сакрального знания. В обмен на полученные знания профессор Персиков продает свою душу дьяволу. Увлечшись наукой, герой полностью освобождается от нравственных ценностей и разрывает все связи с близкими людьми. Дьявольское знание наделяет героя бесовскими чертами, поэтому можно говорить о христианской традиции реализации темы безумия, по которой сумасшедшими воспринимались люди, одержимые бесами. В конце произведения безумие профессора Персикова может рассматриваться в реалистическом ключе: не выдерживая испытаний, герой сходит с ума в прямом смысле этого слова.

В романе Булгакова «Мастер и Маргарита» тема безумия раскрывается в романтической и реалистической традиции.

Писатель обращается к воссозданию любовного чувства с позиции романтического безумия. Так же, как и Грин, Булгаков изображает идеальные и возвышенные отношения героев. Любовь Мастера и Маргариты предстает редким и божественным даром, посланным им провидением. Отказ Маргариты от обеспеченной замужней жизни поднимает ее чувство на небывалую высоту. Не признавая духовных ценностей, на которых основана любовь героев, обыватели считают Мастера и Маргариту сумасшедшими. В то же время любовь в реальном мире утрачивает свой романтический идеал и приобретает черты дьявольского, а значит, безумного мира. Важно отметить отличие изображения обывателей в творчестве двух авторов. А. Грин воспринимает мир в утрированных формах, поэтому рисует обывателей фантастически преувеличенно и считает их сумасшедшими. Для М. Булгакова это характерно в меньшей степени, так как люди предстают в его романе существами двойственными, неоднозначными.

В романтическом ключе раскрывается и безумие гениальной личности. Мастер предстает в романе безумцем, владеющим истинным, божественным, знанием. Писатель показывает трагедию гения, не умеющего приспособиться к советской действительности. Роман Мастера, несущий в мир вечные ценности, оказывается ненужным советской власти. И единственным приютом для таких людей становится клиника Стравинского. По мнению бездарных деятелей издательского мира, Мастер является сумасшедшим. В то же время гении воспринимают безумцами всех тех, кто пришел в литературу исключительно из корыстных побуждений. Безумие Мастера раскрывается в романе и как реальное психическое заболевание, возникшее на фоне пережитого стресса.

Безумие воспринимается в романе как некая сила, выполняющая функцию наказания и покаяния. Этот вопрос детально разрабатывается Е.А. Яблоковым: «Тот, в ком духовное, нравственное начало не сильно, не может сопротивляться хаосу и движется к безумию (в прямом или переносном

смысле лишается головы)»¹¹. Для многих героев романа сумасшествие стало наказанием за неправильно прожитую греховную жизнь. Для Рюхина и Бездомного безумие явилось средством к прозрению, к осознанию неправильно выбранного пути, ведущего к духовной гибели. Находясь в пограничном состоянии, герои по-новому воспринимают окружающую действительность.

В средневековой традиции в романе показано дьявольское начало. Автор изображает героев дьявольского мира как истинных бесов, сеющих хаос и разрушение. Однако отметим, что действия, которые творят герои потустороннего мира, лишь на первый взгляд кажутся ненормальными. Булгаков переосмысливает в романе отношение к дьявольскому миру. В данном случае хаос, который приносят в мир герои потустороннего мира, нельзя воспринимать как негативное явление. Все поступки свиты Воланда направлены на восстановление утраченного в городе порядка и на возрождение человеческой души.

В «Мастере и Маргарите» писатель обращается и к феномену юродства. Внешность Иешуа, происхождение, всезнание, свободолюбие, непризнание мирской власти, всепрощение характеризует его как истинного юродивого. С позиции прагматиков, Иешуа – сумасшедший, безумный юродивый, не желающий понимать реальную действительность. Авторская позиция в отношении Иешуа абсолютно другая. Писатель причисляет его к святым, владеющим сакральным божественным знанием.

Третья глава «Феномен «безумия» в русской прозе и действительности 50-70-х годов XX века» содержит 5 параграфов.

В первом параграфе **«Социально-исторические предпосылки развития темы безумия в литературе 50-70-х годов XX века»** рассматриваются предпосылки развития темы безумия, ставшей необычайно популярной в литературе 50-70-х годов XX века.

В 1960-е годы советская власть начинает использовать психиатрию как орудие в борьбе с инакомыслящими. Уже в середины 50-х годов получило развитие диссидентское движение, участники которого стремились открыто выражать свои мысли. Правительство же, заявляющее о реформах и переосмыслении трагических лет репрессий, на деле так и осталось тоталитарным государством, не готовым к глобальным переменам. Карательная медицина становится новым средством борьбы, пришедшим на смену концлагерям. Многие культурные деятели страны (Н. Ахметов, Ю. Вознесенская) попали под волну репрессий и навсегда получили клеймо психически больных людей, что не могло не отразиться на развитии темы безумия в русской литературе второй половины XX века.

Во втором параграфе **«Художественный метод В.Я. Тарсиса и В.Е. Максимова»** дан обзор научно-исследовательской и критической литературы, посвященной особенностям авторского художественного метода.

¹¹ Яблоков Е.А. «Я – часть той силы...» (Этическая проблематика романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»)// Русская литература. – 1988. – № 2. – С. 24.

Творчество Тарсиса недостаточно исследовано в литературоведении, и лишь некоторые высказывания ученых раскрывают их взгляды на творческий метод писателя. Так, В. Батшев, А. Краснов-Левитин, В. Казак определяют художественный метод автора как реалистический, подчеркивая сатирическую направленность, философичность и публицистичность его произведений. Дискуссионным из-за полярности мнений является вопрос о художественном методе Максимова, который ученые склонны определять как реализм (А. Дзиов, Ю. Мальцев), духовный реализм (А. Ефремова, И. Попова), социалистический реализм, выразившийся «наизнанку» (Е. Пономарев), неореализм (Н. Савушкина). В диссертационном исследовании мы будем придерживаться мнения ученых, определяющих творческий метод Тарсиса и Максимова как реализм.

В третьем параграфе **«Повесть В.Я. Тарсиса «Палата №7»: традиции и новаторство»** раскрываются особенности воплощения в творчестве Тарсиса новаторских принципов и чеховских традиций в аспекте темы безумия.

Исследование повести Тарсиса «Палата №7» невозможно без обращения к «Палате №6» Чехова. Об общности произведений говорит тот факт, что они имеют схожие черты на всех уровнях: проблемно-тематическом, сюжетно-композиционном и мотивно-образном. Так, знакомство с обитателями двух палат предваряет описание улиц, создающее мрачное и тоскливое настроение. Вслед за тем писатели переходят к внутреннему устройству больниц. Чехов подробно останавливается на антисанитарных условиях в больнице, в то время как Тарсис признает не респектабельный, но вполне терпимый вид «Палаты №7». Писателю важно показать не отсутствие комфорта в палатах, а раскрыть трагедию человека, лишённого свободы. При знакомстве с обитателями двух палат можно заметить принципиальную разницу: если у Чехова в психиатрической больнице находятся люди, имеющие психические отклонения, то у Тарсиса каждый пациент оказывается совершенно здоровым человеком, пострадавшим за инакомыслие. В то же время сближает писателей и наличие сходных персонажей в системе образов. Леонид Соловейчик и сосед Громова, мужик с «тупым лицом» объединены тем, что потеряли свой истинный человеческий облик, превратившись в бездушных кукол. Громова и Алмазова сближают экспрессивное поведение, наличие общих идеалов, умение мечтать, а также вера в светлое будущее. Нежевского и Рагина также следует объединить по некоторым признакам: оба доктора не видят смысла в лечении больных в сложившихся социальных условиях, мечтают о закрытии такого рода учреждений, чувствуют свою вину перед больными, но оправдываются временем, болезненно ощущают нехватку по-настоящему умных и интеллигентных людей в своем окружении. В то же время есть и то, что противопоставляет героев друг другу. Герой Тарсиса по-настоящему деятельный и умный человек, помогающий своим пациентам, в отличие от доктора Рагина, создавшего философскую теорию и не желающего менять свой уклад жизни. И все же доктор, как и его предшественник, не относится к положительным героям. По мнению Тарсиса, каждый из врачей

противопоставлен пациентам больницы и несет свою долю вины за творившиеся беззакония. Нежевский как академик с мировым именем не имеет права на молчание. Среди медперсонала можно выделить еще нескольких сближающихся персонажей: фельдшера Стрункина у Тарсиса и сторожа Никиту у Чехова, безжалостно бьющих пациентов. Кроме системы образов, сближение писателей наблюдается и на других уровнях. Так, оба автора осознают сумасшедший дом тюрьмой, но у Чехова на этом не делается явный акцент, в то время как в произведении Тарсиса это остро выражено.

Кроме чеховских традиций, проявившихся в раскрытии темы безумия, в произведении нетрудно заметить и новаторские тенденции. В «Палате №7» Тарсис раскрывает причины, по которым здоровый человек может попасть в сумасшедший дом: попытка самоубийства, желание поддерживать связи с иностранцами, а также нежелание приспособиться к бездушному миру. Принципиально новое видение темы безумия раскрывается через систему образов врачей, противопоставленных пациентам клиники. Среди них нет положительных героев, так как каждый из них не смог поднять свой голос в борьбе против бесчинств, совершаемых над здоровыми людьми. В то же время врачей можно разделить на несколько групп: врачи, сочувствующие пациентам клиники, и несправимые карьеристы и тираны, действующие исключительно в угоду своим потребностям. Среди больных клиники также наблюдается разделение: пациенты, поддерживающие существующий политический строй и видящие источник проблем в ошибках отдельных людей, и пациенты, выступающие противниками социалистического строя.

Четвертый параграф **«Тема безумия и советская действительность в романе В.Е. Максимова «Семь дней творения»»** посвящен рассмотрению советской действительности и личностных судеб героев романа Максимова «Семь дней творения».

К творчеству писателя обращались А. Баклыков, М. Глазкова, Ю. Драгунова, А. Дзиов, И. Попова, Н. Савушкина, А. Сенкевич и др. Каждый из авторов в той или иной степени обращается к исследованию человеческой души в творчестве Максимова, а значит, затрагивает и тему безумия, так ярко воплотившуюся в романе Максимова «Семь дней творения».

Ключевой для понимания темы безумия в романе является легенда о городе, рассказанная Гупаком. Причины сумасшествия, по мнению рассказчика, кроются в преступлении, которое люди совершили против Бога, заменив божественную истину сладкими, но безумными речами незнакомца (Некто). Аллегорически Максимов характеризует советское общество и ее руководителей. Под образом Некто, очевидно, скрывается сатана, разрушивший веру в Бога и уничтоживший души людей. Под жителями мифического города следует понимать советских граждан, поддавшихся на уговоры дьявола. Советский строй уничтожил христианскую веру и вверг весь мир в хаос и безумие. Новые же, материальные, ценности, привнесенные советской властью, разрушили душу каждого человека. Фактически автор возлагает вину за утрату духовно-нравственных ценностей на советскую власть, но в то же время не

снимает ответственности с каждого героя своего романа и предлагает пройти путь духовного возрождения. В зависимости от духовных идеалов и чистоты помыслов герои приобретают статус разумного или безумного существа. Лишь немногих героев романа можно отнести к разумным людям, так как в советском обществе практически не осталось тех, кто старался проповедовать идеалы, завещанные Богом. Среди них выделяется жена Петра Лашкова Мария, сохранившая веру даже в атеистический период правления советской власти, а также Санька Сутырин, рискнувший жизнью ради заключенных. К истинным безумцам, утратившим божественное начало, можно отнести таких героев, как старуха Шоколинист, братья Симы, Воробушкин, «бритоголовый в штатском», «безликий» майор и другие. Каждый из них в погоне за властью или материальными благами утрачивал духовные ценности, превращаясь в безумца, неспособного на истинные чувства. Многие герои романа (Иван Левушкин, братья Лашковы, участковый Калинин и другие) на протяжении всей жизни ведут спор с собой, переосмысливая значимость выбранных когда-то идеалов. Некоторые из них полностью утратили связь с «небом» и, несмотря на желание жить по законам Бога, так и не нашли истинную дорогу, другие же переосмыслили свою жизнь и попытались начать ее заново.

В пятом параграфе **«В.Я. Тарсис и В.Е. Максимов о судьбе человека в тоталитарном государстве»** отражены различные подходы писателей к карательной психиатрии. Обращение к теме безумия В.Я. Тарсиса и В.Е. Максимова не случайно и может быть объяснено распространением в Советском Союзе «карательной психиатрии». Писатели открыто выступают против беззакония советской власти. В своих произведениях Тарсис и Максимов изображают трагедию человека, подвергнувшегося репрессиям со стороны государства. Использование карательной медицины показано в обоих произведениях не как единичный случай, а как закономерное явление. Оба автора негативно относятся к попытке государства подчинить и надломить человека, однако каждый из них видит собственный путь решения этой проблемы. По мнению Тарсиса, человек обязан бороться за свою свободу. Своим проводником герои «Палаты №7» выбирают не милосердного, а карающего Бога, так как только такая сила способна противостоять злу и насилию. Гуманистическая теория непротивления злу насилием терпит в романе поражение. По мнению Тарсиса, только получив свободу и разрушив старый, прогнивший мир, можно приступить к поиску новых идеалов. Воззрения Максимова прямо противоположные, так как писатель убежден в силе человеческого духа, подкрепленного божественной верой. Если для Тарсиса трагедия заключается в отсутствии свободы, то для Максимова трагедией осознается потеря нравственных идеалов и духовных ценностей. Вера в Бога помогает героям Максимова осознать свое место в жизни и почувствовать счастье вне зависимости от места их пребывания. Отсюда и разное отношение к медперсоналу в произведениях писателей. В романе Тарсиса каждый врач осознается преступником вне зависимости от его

духовных идеалов, в то время как врачи в романе Максимова имеют право на прощение и могут быть осуждены только божественным судом.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования. Социально-исторические, естественнонаучные, историко-культурные причины, своеобразие художественного метода авторов определяли различные пути, по которым шло развитие темы безумия в русской литературе XX века. Диссертационное исследование открывает новые подходы к изучению и пониманию феномена безумия в прозе XX столетия.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

в изданиях, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Хазова М.А. Юродство в творчестве И.А. Бунина: к вопросу о реализации темы безумия в русской литературе конца XIX - начала XX века// Ученые записки Орловского государственного университета. – 2012. – №5. – С. 272 – 278.

2. Хазова М.А. Чеховские традиции в повести В.Я. Тарсиса «Палата №7»// Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. – №1. – С. 216 – 222.

3. Хазова М.А. В. Тарсис и В. Максимов о судьбе человека в тоталитарном государстве («Палата №7» – «Семь дней творения»)// Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2015. – №2. – С. 92 – 96.

в других изданиях:

4. Хазова М.А. Тема безумия в повести А. Грина «Алые паруса»// Вестник студенческих работ Орловского государственного университета (в рамках «Недели науки - 2010»). Выпуск 2. – Орел: ГОУ ВПО «Орловский государственный университет», 2010. – С. 84 – 86.

5. Хазова М.А. Тема безумия в творчестве Б. Зайцева и И. Шмелева («Люди Божии» - «Лето Господне»)//Творчество Б.К. Зайцева и мировая культура. Сборник статей: Материалы Международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения писателя. 27-29 апреля 2011 года. – Орел: ГОУ ВПО «Орловский государственный университет», 2011. – С. 132 – 139.

6. Хазова М.А. Любовь как безумие в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»//Славянский сборник. Выпуск 9: Материалы IX Всероссийских (с Международным участием) Славянских Чтений «Духовные ценности и нравственный опыт русской цивилизации в контексте третьего тысячелетия» (19-20 мая 2011 г., Орел). – Орел: Александр Воробьев, 2011. – С. 128 – 132.

7. Хазова М.А. Тема безумия в творчестве Л. Андреева// Творчество Леонида Андреева: современный взгляд. – Орел: ПФ «Картуш», 2011. – С. 75 – 82.

8. Хазова М.А. Тема безумия в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»// *LITTERATERRA*: Межвузовский сборник аспирантских и студенческих научных трудов. Выпуск 6. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2011. – С. 74 – 82.

9. Хазова М.А. Безумие как наказание и покаяние в романе Булгакова «Мастер и Маргарита»//Славянский сборник. Выпуск 10: Материалы X Всероссийских (с международным участием) Славянских Чтений «Духовные ценности и нравственный опыт русской цивилизации в контексте третьего тысячелетия» (24-25 мая 2012 г., Орел). – Орел: А.В. Воробьев, 2012. – С. 85 – 89.

10. Хазова М.А. Безумие в восприятии символистов (Ф.К. Сологуб «Мелкий бес»)// Афониные чтения: Сборник материалов научной конференции. – Орел: ООО ПФ «Картуш», 2013. – С. 46 – 55.

11. Хазова М.А. Безумие творческой личности в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»// Орловский текст российской словесности. – Орел: ООО ПФ «Картуш», 2015. – С. 76 – 79.